

УДК 316.3/4

DOI: 10.17223/19988613/50/11

О.А. Романов

ЕВРАЗИЙСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МИРОПОРЯДКА: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

Рассмотрены факторы, механизмы и задачи процесса регионализации как ведущей тенденции глобальной социальной динамики. Показано, что регионализация выступает реакцией государств на негативы глобализации и деятельности ее ведущих субъектов (ТНК, глобальных СМИ и т.п.). Обоснован тезис, согласно которому оптимальной формой развития и обеспечения национальных интересов большинства стран мира является региональный блок. Эксплицированы необходимые и достаточные условия интеграции стран в региональные союзы. Рассмотрены конкретные сценарии развития евразийского пространства, выявлены условия его прогрессивного развития. Показаны социально-экономические и социокультурные векторы эволюции ЕАЭС.

Ключевые слова: регионализация; евразийская интеграция; локальные цивилизации.

В последние годы регионализация превратилась в одну из наиболее актуальных тем в контексте обсуждения тенденций и перспектив развития международных отношений. В некоторых случаях проблема вовлекается в орбиту исследовательских интересов «попутно» — как следствие более широкого и многопланового процесса, каковым представляется глобализация. Других исследователей неуклонно набирающая силу тенденция расширения межгосударственной региональной кооперации (ставшая в 1990-е гг. вполне очевидной благодаря активизации региональных взаимодействий, укреплению институтов локальной кооперации, росту числа объединений, возникающих на региональной основе, и увеличению их международного «веса») привлекает в качестве значимого самостоятельного фактора современной мировой политики.

Несмотря на все возрастающее количество научных публикаций, так или иначе связанных с исследованием регионализма, общая картина его формирования, развития и современного состояния остается, тем не менее, фрагментарной и не вполне ясной. Подтверждением этому служит невероятное количество полярных суждений, касающихся его сути и значения, которые встречаются в исследованиях отдельных (частных) его проявлений. Так, некоторые специалисты усматривают в регионализме серьезное препятствие для экономического роста и межгосударственных отношений, связывая это с угрозой разделения мира на замкнутые торговые блоки и ужесточения конкуренции между ними. Другие считают, что более серьезной проблемой мирового порядка XXI в. является не структура отношений между различными региональными объединениями, а асимметрия этих отношений с неустойчивыми региональными группировками или с зонами, где они отсутствуют вовсе [1. С. 32]. Еще большее число наблюдателей убеждены, что региональные интеграционные соглашения, наоборот, способны оказывать позитивное воздействие на ход многосторонних торговых переговоров, снижать издержки и негативные последствия

глобализации [2. Р. 34–36]. Зачастую они вообще являются единственно возможным решением, позволяющим сгладить противоречие между производительными силами, которые переросли рамки отдельных наций, но не достигли еще мировых масштабов, и социальными отношениями [3. Р. 63]. Ряд экономистов прямо указывают на регионализм как на один из главных виновников учащающихся в последнее время кризисов в мировой экономике [4. Р. 10]. Их оппоненты возражают, что, напротив, те регионы, где число интеграционных объединений больше, а история регионализма продолжительнее, в меньшей степени подвержены влиянию кризисов, а последние менее ощутимы [5. Р. 8]. В части исследований бытует мнение о том, что экономическая неразвитость участников региональных объединений является препятствием для их развития, а более эффективным способом преодоления отсталости бедными странами является международная интеграция [6. Р. 15]. Однако, возражают другие, дерегулирование не только ликвидирует тарифы, оберегающие местных производителей и местные рынки, но и ввергает производителей малых стран в конкуренцию, в которой они зачастую неспособны выстоять, и разрушают способность правительств этих стран управлять собственной экономикой [7. С. 65]. Экономическая и политическая интеграция, доказывают третьи, ограничивает пространство для национальных действий и национального суверенитета [8. Р. 12]. Не совсем так, полагают четвертые, указывая на то, что при общей ориентации на ценности открытой мировой экономики многочисленные региональные экономические группировки представляют собой мощные инструменты защиты специфических интересов государств и государственно-частных субъектов [9. С. 35].

Выявление неисследованных аспектов проблемы регионализации, а также выделение подходов к ее познанию представляют собой лишь малую часть дискуссионных моментов, которые возникают при изучении современного международного регионализма. Причи-

ной их возникновения, помимо многомерности и внутренней сложности самого предмета исследования, служит настоятельная потребность в обретении адекватного способа противодействия деструктивным аспектам процесса глобализации. Обнаружилось, что национальному государству становится все труднее самостоятельно справляться с порожденными глобализацией экономическими, экологическими, социальными, научно-техническими и прочими проблемами. И потому оно стремится объединить свои усилия с усилиями других стран. Отсюда тяга к региональным сообществам в надежде, что вместе удастся более успешно противостоять возрастающим опасностям. «Регионализм – один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне», – пишет шведский политолог Бьерн Хеттне [10. Р. 7]. Эту же мысль высказывает бывший премьер-министр Бельгии Г. Верхофстадт: «Ни одно государство не может считаться достаточно крупным и богатым, чтобы в одиночку противостоять глобальным вызовам» [11. С. 27].

Следующей причиной интенсификации процессов регионализации, впрочем, тесно связанной с предыдущей, является качественное ускорение НТП, начавшееся в середине XX столетия и обусловившее выход многих значимых экономических процессов за национальные границы. Обнаружилось, что целый ряд видов экономической деятельности нерентабелен в пределах одной страны и принципиально нуждается в больших пространствах для того, чтобы быть эффективным. К таким видам деятельности относятся информационные технологии и компьютерная техника, высокоскоростной транспорт, средства и инфраструктура телекоммуникаций и т.д. «В одной отрасли за другой, от выплавки стали до пивоварения, производство на мировой рынок стало императивом. Всякая технологическая инновация требовала новых инвестиций. А по мере технологического прогресса, подгоняемого давлением конкуренции между фирмами за долю на рынке, все меньше и меньше можно выживать за счет прибылей на внутреннем рынке. <...> Фирмы не выбирают, производить ли им на внешние рынки или нет, они вынуждены либо делать это, либо идти на дно» [12. Р. 365].

Еще одной детерминантой регионализационных процессов выступает все более явственно обнаруживающаяся ограниченность стратегических природных ресурсов. Впечатляющий экономический рост был достигнут странами – лидерами индустриальной экспансии за счет легкомысленного и бездумного обращения с общим достоянием землян – невозполнимыми конечными сырьевыми ресурсами планеты. За последнюю треть XX в. человечество израсходовало треть естественных богатств Земли. Среди них есть ресурсы, не имеющие эквивалентных заменителей. В первую очередь, к их числу относится пресная вода, без которой невозможен не только экономический рост, но и сама

жизнь. Из имеющихся доступных запасов воды половина уже востребована. Если не будут предприняты экстренные меры, то к середине нашего столетия вся наличная пресная вода будет использована. Сходная ситуация складывается и с энергетическими ресурсами. При этом важно отметить, что все они распределены на планете крайне неравномерно. Это обстоятельство порождает два принципиально значимых следствия.

Во-первых, страны, имеющие крупные запасы дефицитных природных благ, могут определять региональные и даже общемировые тенденции экономического развития.

Во-вторых, в условиях возрастающего спроса на природные ресурсы, они все чаще становятся объектом самого пристального внимания со стороны мощных, но малообеспеченных ресурсами стран. «После Второй мировой войны постоянная погоня за природными ресурсами была скрыта политическими и идеологическими требованиями американо-советского соперничества; окончание этого соперничества более реалистично осветило истинную картину» [13. Р. 24].

События первого десятилетия нашего века продемонстрировали со всей очевидностью, что само по себе обладание ценным сырьем еще не гарантирует процветания и безопасности страны. Для того чтобы природные богатства стали фактором социального прогресса, они должны быть надежно защищены правовым, политическим и, самое главное, военным способом. Отсюда стремление многих стран к созданию торговых, политических и военных блоков для обеспечения своей безопасности в современном глубоко конфликтном мире.

Также процессы регионализации порождаются ТНК, которые, вопреки распространенному поверхностному мнению, вовсе не способствуют экономическому и научно-технологическому сближению стран, находящихся на разных этапах развития. ТНК не стремятся к передаче своих технологий странам базирования, так как это лишило бы их конкурентных преимуществ. Но даже если бы ТНК были альтруистами и стремились к технологическому обогащению неразвитых стран, возможности передачи технологий объективно ограничены. Ведь конкретная форма воплощения каждой технологии (реализующая ее организационная структура, характер и полнота инструкций и т.д.) несет на себе отпечаток социально-экономических и культурных особенностей общества, которым она создана. Так, большинство современных технологий не могут быть адаптированы к условиям многих неразвитых стран, в частности к преобладанию неквалифицированного труда. Они слишком сложны и требуют часто недостижимой в неразвитых странах точности, а также нуждаются в непосильных для этих стран масштабах производства. Тем самым сложная технология не может быть механически перенесена в страну с отличающимся типом экономики и культуры. Кроме того, ТНК, как правило, используют в странах размещения своих производств технологии, направленные на создание

товаров, заведомо слишком дорогих для населения этих стран, что ввергает его в избыточные и зачастую непосильные расходы. В целом деятельность ТНК порождает ряд деструктивных процессов:

- относительное обострение проблем занятости (те же объемы капитала обслуживают меньше людей);
- относительное усиление социального неравенства (количество относительно обеспеченных работников, связанных с ТНК, меньше, а разрыв между ними и занятыми в национальной экономике воспринимается более остро);
- торможение развития технологий, не связанных с ТНК, в том числе разрабатываемых национальными силами [14. С. 158].

Адаптация технологий к специфике стран размещения дочерних подразделений ТНК невыгодна для них, так как повышает вероятность промышленного шпионажа со стороны специалистов развивающихся стран и отрицает важнейший принцип ТНК, состоящий в эффекте экономии на масштабе: применение единой системы технологий в разных странах с ее минимальным изменением. Поэтому использование в отсталых странах не адаптированных к уровню их развития технологий для производства не соответствующих их структуре потребления товаров – основа деятельности ТНК и ключевой источник их рыночного преимущества.

Многие государства мира стихийно выработали политику не глобальной, но региональной интеграции, при которой в глобальной конкуренции участвуют не отдельные страны, силы которых недостаточны для нее, а целые группы стран, поддерживающих и дополняющих друг друга. Региональная интеграция, в отличие от глобальной, направлена не на подавление, а на сбережение и развитие отстающих стран, наиболее полное и рациональное использование их ресурсов, недостаточных для самостоятельного участия в глобальной конкуренции. Тем самым эти страны получают возможность найти свое место в новом мировом хозяйстве. Предоставляя отстающим странам исторический шанс, региональная интеграция поддерживает внутреннее разнообразие, а тем самым – и устойчивость человечества. Таким образом она вступает в непримиримое противоречие с исповедуемой США и насаждаемой ими либеральной идеологией глобальной интеграции, ведущей к ослаблению всех ее субъектов (разумеется, за исключением США). Региональная интеграция успешна, лишь если ее «двигателем» становятся сильные участники глобальной конкуренции. Ведь чем слабее общества того или иного региона, тем более проницаемы его экономические границы для глобальной конкуренции и тем менее эффективна региональная интеграция.

В экономической сфере регионализация имеет целый ряд преимуществ по сравнению с основными принципами и конкретно-историческими способами реализации проекта глобализации:

- достижение договоренностей между немногими государствами, как правило, близкими друг другу гео-

графически и исторически, есть гораздо более быстрый и менее затратный процесс, нежели установление соглашений на глобальном уровне, например в ВТО, членами которой являются 150 стран;

- результаты регионального сотрудничества более конструктивны, так как его участники создают друг другу весьма благоприятные условия во взаимной торговле и миграции производственных факторов;
- интегрируя материальные и человеческие ресурсы, регионализация создает предпосылки для формирования благоприятной инфраструктурной и интеллектуальной среды экономического развития и повышает конкурентные преимущества во внешней торговле.

Потребность в формировании региональных блоков обусловлена и факторами социокультурного порядка. Диалектика социокультурных противоречий между процессами, происходящими на макро- и микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на каком-то пограничном промежуточном уровне. Преодоление конфликта этих разнонаправленных сил состоит в обнаружении либо созидающей переходной ступени, выполняющей функцию «социального редуктора», посредника между общемировыми и местными процессами. Данный промежуточный (мезо-) уровень дает возможность приспособить глобальные тенденции к местной культурной и хозяйственной специфике, что позволяет противостоять процессам унификации и стандартизации и сохранить «цветущую сложность» социального мира, сберечь уникальность каждой из существующих культур. Мы согласны с российским исследователем Р.Х. Симоняном, утверждающим, что «в отличие от макроуровня промежуточная ступень дает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии ее защиты и сохранения» [15. С. 21].

Подобно тому, как отдельный человек и государство не могут непосредственно взаимодействовать, нуждаясь в структурах-посредниках, так и локальные социумы используют опосредующие звенья для выхода на уровень макросистемы. Тем самым потребность в среднем промежуточном уровне обусловлена необходимостью снятия противоречий между мировыми и локальными тенденциями, между процессами социальной ассоциации и диссоциации, между унификацией и стандартизацией всех компонентов общества и местными историческими традициями. Направленность мезопроцессов имеет своим вектором ориентацию на поиск оптимальных форм интеграции локальных обществ. Формирование общностей среднего уровня в качестве своей культурной основы имеет ценность солидарности – естественный и единственный способ их самосохранения в глобальном мире. Если глобализация представляет собой движение сверху вниз, от макро- к микроуровню, то регионализация – это движение снизу вверх – от микро- к макроуровню. На среднем (мезоуровне) происходят организация и упорядочивание

встречных потоков, здесь становятся возможными нахождение общесоциального консенсуса и обретение гармонии глобального и локального, закладываются основы гомеостаза системы. Будучи разнонаправленными, а зачастую и противоречивыми, общемировые и местные этнокультурные процессы диалектически предполагают наличие такой ступени, на которой общее и единичное могут предстать в форме гармоничной целостности, а не жесткого антагонизма.

Преимущество среднего уровня состоит в том, что он не утратил непосредственного контакта с «почвой», и это позволяет более гибко и адекватно регулировать текущие процессы. С другой стороны, средний уровень обладает большим политическим и экономическим «весом», что дает ему более высокий общественный статус. «Выполняя функции проводника и в том, и в другом направлениях, этот уровень по своей природе амбивалентен: он и отрицает, и утверждает, координирует и преобразует, отбирает, управляет и в конечном счете гармонизирует отношения, организуя между крайними уровнями диалог» [15. С. 23]. Положение этого уровня, его специфика определяют наличие в нем мощного регулятивного потенциала. Это социальное звено призвано оптимизировать социальные процессы в целях достижения устойчивости постоянно развивающегося социума. Другими словами, источником возникновения мезоуровня является необходимость гомеостазиса социальной системы. Если он отсутствует, то в системе возникает риск саморазрушения.

Какая же ступень организации различных государственных или административных сообществ может рассматриваться как промежуточная? Регион, на наш взгляд, и есть тот самый мезоуровень организации мирового социального сообщества, который позволяет одновременно не только ослабить и разрешить противоречия между глобальными и антиглобалистскими процессами, но и, что очень важно, сообщить определенную «глобальность» локальным процессам и, наоборот, адаптировать общепланетарные тенденции к местной культурно-исторической специфике. Регион сегодня является промежуточной зоной, проводящей социальной средой, сопричастной как внутреннему, так и внешнему пространству. Именно на этой ступени общественной самоорганизации устанавливается баланс между интеграцией и дезинтеграцией, между центром и периферией, между централистскими и сепаратистскими тенденциями, между многими другими социальными противоречиями современного общественного развития. Следовательно, регионализация – это не только способ государств приспособиться к условиям всеобщей глобализации, но и стремление приспособить глобальные тенденции к своим локальным интересам. Иными словами, регионализация – это путь к равновесию общепланетарной системы.

При этом само понятие «регион» не является застывшим, строго математически очерченным. Это может быть и внутригосударственное, и межгосударственное образование, а один регион может входить в состав

другого, более крупного региона. То есть данная категория универсальна, операциональна и продуктивна настолько, насколько универсальна, операциональна и продуктивна в принципе любая типология в классификации в области социального знания.

Принципиально важно отметить, что в качестве субъектов противодействия глобализации могут выступать далеко не все типы регионов. В современной регионалистике выделяют макрорегиональный, страновой (государственный) и субрегиональный уровни.

– Макрорегионы относят к крупнейшим территориальным образованиям, предшествующим глобальному уровню.

– Государство, которое пытается оптимизировать динамику своего развития путем передачи части функций на макро- либо субрегиональный уровень, оставаясь при этом важнейшим субъектом международных отношений.

– Субрегион – регион, стоящий на одну таксономическую ступеньку ниже государственного уровня.

Исходя из различий смыслов понятия «регион», можно говорить о разных уровнях регионализации. Внутренняя регионализация представляет собой передачу правительством части своих полномочий на места. Внешняя регионализация состоит в том, что страны, имеющие единство интересов (экономических, военных, научно-технических и др.), стремятся заключить межгосударственные союзы с целью повышения уровня своей экономической эффективности, обеспечения национальной безопасности и культурного прогресса. В настоящей работе мы будем говорить именно о внешней регионализации.

Наша позиция состоит в том, что сегодня именно создание надгосударственных «больших пространств» является оптимальной моделью, способной эффективно реагировать на внешние и внутренние вызовы. В прошлом такими образованиями были империи, теперь их называют «государства-цивилизации». Весьма убедительно об этом пишет Ги Верхофстадт: «Так что, нравится нам это или нет, мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век, когда вопросы, стоящие перед мировым сообществом, будет решать дюжина реальных либо потенциальных политических и экономических мировых центров, более или менее равномерно распределенных по всему земному шару. Под термином «империя» я понимаю... политико-экономическое образование, состоящее, возможно, из многих государств и народов, объединенное общими структурами и современными институтами, зачастую подпитываемое разнообразными традициями и ценностями и уходящее корнями в старые и новые цивилизации. В этом новом мировом порядке важная роль отводится многообразию империй и цивилизаций, а не доминированию какой-то одной цивилизации. Значение имеют политическая стабильность и экономический рост, который они могут обеспечить на региональном уровне, а не стремление той или иной державы властвовать над всем миром» [11. С. 27].

Иными словами, сегодня национальное государство слишком мало для того, чтобы влиять на события, происходящие в мире. С другой стороны, ООН чересчур громоздка и медлительна, чтобы быть действенной организацией в быстро меняющихся условиях. Во всех отношениях новые образования могут возвести мост через существующие водоразделы, поскольку способны мобилизовать региональные возможности на субконтинентальном уровне и, следовательно, как об этом говорится в Уставе ООН, сыграть центральную роль в решении региональных и даже мировых проблем.

Важно отметить, что региональные лидеры могут структурировать регионы не произвольно и волонтаристично, но считаясь с внутренней логикой данного процесса. Сегодня процессы регионального деления идут преимущественно по границам локальных цивилизаций, конкуренция между которыми резко обостряется. Человечество разделяется не только по используемым технологиям и уровню благосостояния, но и по цивилизационному признаку – по признаку культурной совместимости. Это отражено не только научными трудами, но и практикой госуправления, в первую очередь – неуклонным ужесточением по отношению к представителям других цивилизаций законодательства развитых стран. В наиболее откровенном законодательстве Великобритании прямо указано, что иммиграция ограничивается не для предотвращения угрозы подрывной деятельности, сохранения рабочих мест и даже экономии бюджетных средств на программы социальной адаптации, но «во избежание ситуации культурного противостояния» [16. С. 114].

Наша принципиальная позиция состоит в том, что оптимальной конкретно-исторической формой бытия евразийского пространства на рубеже II и III тысячелетий является самостоятельный цивилизационный центр развития и силы, сформированный на собственной культурно-исторической основе. Объективно вопрос стоит так. Объединяющаяся и объединенная Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы и (тем более другие народы – члены ЕАЭС) своими, и можно определенно утверждать, что и в обозримом будущем считать не будет. Народами региона конфуцианского Востока (прежде всего Юго-Восточной Азии) и исламского мира мы также воспринимаем как представители иной цивилизации. В этой ситуации государствам ЕАЭС остается два пути: или они форсировано развивают и укрепляют свой собственный центр развития и силы, или превращаются в «этнографический материал» развития других цивилизационных центров силы.

В подтверждение данного принципиального тезиса приведем следующие аргументы. Во-первых, несмотря на мнение о европейской идентичности России она вместе с Беларусью (и в значительной мере с Казахстаном и Арменией) представляет самостоятельную локальную цивилизацию, что зафиксировано подавляющим большинством исследователей данной проблемы.

Дело в том, что в теоретическом анализе цивилизационных границ и отношений необходимо различать географический и социокультурный аспекты. С точки зрения географии большая часть ЕАЭС действительно находится на территории Европы и может считаться ее частью. Но в социокультурном плане эти страны исторически сформировались как части славяно-русской (евразийской) цивилизации. Культурно-цивилизационная дифференциация является неоспоримым фактом истории развития человечества. Этот факт получил исчерпывающее осмысление в мировой социально-философской мысли. В классических работах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби недвусмысленно проводится мысль о самостоятельном существовании «славяно-русского культурно-исторического типа», «православно-христианской цивилизации», «русско-сибирской великой культуры».

В современной научной литературе эта тема наиболее полно раскрыта в работе американского исследователя С. Хантингтона. Он в книге «Столкновение цивилизаций» выделяет восемь мировых цивилизаций, четко очерчивая границы каждой из них. Согласно ему, в целом Запад сегодня включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, т.е. Австралию и Новую Зеландию». Что же касается границы Европы на Евразийском континенте, то восточная граница Запада совпадает с восточной границей западного христианства. Хантингтон прямо ставит вопрос о том, какой из народов, населяющих географическое пространство Европы, можно относить к потенциальным членам Европейского Союза, НАТО и подобных им организаций, и отвечает на него следующим образом: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные народы от мусульманских и православных народов... Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают *Sotto voce*, именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков» [17. С. 243–244].

Есть все основания полагать, что Запад как геополитический субъект не считает страны ЕАЭС европейскими государствами. В лучшем случае он их рассматривает как элемент внешнего периметра безопасности Европы. Дело в том, что современная Европа – это не только единые стандарты, прописанные чиновниками Евросоюза, но и общее историческое и культурно-цивилизационное наследие, к которому народы Северной Евразии, Средней Азии и Закавказья не имеют никакого отношения по причине иной цивилизационной идентичности.

Вторым аргументом в пользу необходимости формирования самостоятельного евразийского центра развития и силы являются исчерпание мировых ресурсов и

обостряющаяся борьба за овладение ими. США, население которых составляет от мирового чуть более 4%, потребляет сырьевых и энергетических ресурсов, задействованных сегодня в мире, около 45%. Промышленность, вся инфраструктура, транспорт и т.д., которые обслуживают интересы этих четырех процентов, уже в течение 30 лет съедают весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США. Из 72 основных видов сырья, используемых США, 69 завозится из других стран. А если добавить к США другие богатые страны, обеспечившие у себя потребительский образ жизни, то уже получится 15% населения от мирового. Эти 15% и есть так называемый «золотой миллиард» нашей планеты. К настоящему времени эти 15% населения уже потребляют 80% мировых сырьевых и энергетических ресурсов, а выброс в атмосферу углекислого газа равен 60%. На сегодняшний день потребности «золотого миллиарда» настолько велики, что данного объема ресурсов уже не хватает. В результате либо в наиболее развитых промышленных странах начнут снижаться достигнутые стандарты потребления, либо правительствам этих стран придется усилить эксплуатацию других стран и народов.

В то же самое время на территории современной России сосредоточена 1/3 часть мировых энергетических и сырьевых ресурсов, что в перспективе может позволить восточнославянским народам уверенно смотреть в ближайшее и отдаленное будущее. Значение данного факта невозможно переоценить. Именно это обстоятельство лежит (или, по крайней мере, должно лежать) в основе большинства стратегических политических решений. Исходя из вышесказанного, проведем мысленный эксперимент, включающий в себя продумывание двух сценариев перспектив развития евразийского политического и социокультурного пространства.

Первый сценарий предполагает развитие событий в евразийском регионе в деструктивном направлении. Предположим, что между нынешними участниками ЕАЭС ослабели или даже оказались разорваны исторические, экономические, научно-технологические, военные связи и отношения. Следствием данного процесса станет глубокий и всеобъемлющий контроль глобалистских структур над ресурсами и производством этих стран, разумеется, в интересах «золотого миллиарда». Для конструктивного сотрудничества между Западом и остальным миром в рамках сложившегося миропорядка объективно нет предпосылок. «Европейский дом» тесен, и для расширения «клуба избранных» на нашей планете просто нет ресурсов. Европе не нужны Казахстан, Беларусь и все остальные неевропейские государства как конкуренты в получении ресурсов из третьих стран, не нужны они ей и как конкуренты в области промышленного производства, особенно высокотехнологичного. Напротив, Западу необходимо любой ценой сохранить монополию на высокотехнологичное производство, ибо это является важнейшим

условием его доминирования в мире. Как представители другой цивилизации народы ЕАЭС никогда не достигнут реального равноправия со странами Западной Европы. Итак, при реализации данного сценария будет достигнута цель раздробления евразийского региона, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров силы.

Второй сценарий представляется гораздо более благоприятным и, более того, единственно возможным в конструктивном плане для евразийских народов. Его суть состоит в том, что ЕАЭС активно развивается, наращивая свой экономический, политический, военнотехнический и культурный потенциал. В случае реализации этого сценария перед его участниками открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Нам никогда не следует забывать, что члены ЕАЭС, учитывая общность их исторических путей развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, являются естественными союзниками в высшей степени.

В этом пункте необходимо сделать одно принципиально важное уточнение. Мы считаем, что региональные центры развития и силы будут складываться на цивилизационной основе как наиболее прочном и перспективном фундаменте их долгосрочного развития. Как было указано ранее, мы исходим из модели сосуществования локальных цивилизаций, которые во многом отличаются по способам переживания ценностей, по-разному представляют себе соотношение человека, мира, Бога, общества. Эти различия существуют органически, независимо от того, насколько мы осведомлены о них. Но на определенном этапе над ними надстраивается то, что можно назвать «цивилизационным проектом», который создается из самого разного исторического материала. Например, европейская цивилизация и современный цивилизационный проект Европы – вещи очень различные. Этот цивилизационный проект – секуляристский, техницистский, индивидуалистический. В ходе его кристаллизации были отброшены многие возможности другой Европы, к которым евразийский регион имеет непосредственное отношение. Как наследник Византии, как покровитель сначала консервативной, а затем и социалистической Европы евразийский мир должен интегрировать в своем цивилизационном проекте ресурсы другой Европы. Это сделает его фокусом притяжения тех внутриевропейских сил, которые оказываются за бортом неолиберального по своей сути проекта Евросоюза.

Однако, разумеется, главная задача евразийского цивилизационного проекта состоит в том, чтобы дать отечественной цивилизации ту систему эталонов, через которые она могла бы конструировать себя в качестве самодостаточного центра развития и силы. Этот проект должен позволить ей перейти из органического и полубессознательного состояния в состояние самореферентной социальной системы – социальной системы, способной воспроизводить себя через соотнесение с

собственным цивилизационным стандартом, включающим самые разные измерения – от конституционного права до образной географии, от академической философии до массовой культуры.

Реализация проекта построения евразийского центра развития и силы предполагает создание соответствующих экономических условий. С нашей точки зрения, одним из необходимых условий является формирование в высокой степени автаркичной экономической системы. Этот тезис имеет под собой серьезные исторические и теоретические основания. Российская империя, как и впоследствии Советский Союз, обладала таким хозяйственным укладом, который позволял ей полнокровно существовать вне зависимости от иностранного ввоза и вывоза. Интеграция в мировую экономическую систему международного разделения труда предполагает установление внешней зависимости национальных экономик. Любой производственный сбой в одной из стран неизбежно приводит к кризису связанного с ним производства в другой. Уровень влияния транснациональных корпораций делает возможным инициирование экономического кризиса едва ли не в любой точке планеты. Поэтому специализация «мир-экономик», приносящая, надо признать, определенные дивиденды, существенно снижает уровень национальной безопасности.

Впервые теория автаркии получила научное обоснование в работе И.Г. Фихте «Замкнутое торговое государство» в 1800 г. еще на заре складывания международной экономической инфраструктуры. Построение автаркичной экономики было публично провозглашено целью политики Третьего рейха во время выступления Г. Геринга в прусском ландтаге в 1936 г. Воспрепятствовавший притоку импортных товаров курс «опоры на собственные силы» способствовал интенсивному развитию текстильной, сталелитейной, нефтеперерабатывающей, химической промышленности. Однако Советский Союз был значительно ближе к автаркичному идеалу, что явилось одним из важнейших факторов его победы над Германией. Даже в традиционно ориентированной на участие в международной торговле Англии, когда Соединенное Королевство начало проигрывать экономическую гонку США и Германии, заговорили об автаркии, границы которой предполагалось установить в пределах колониальной Британской империи.

Доктрина русской автаркии разрабатывалась еще М.О. Меньшиковым. «Все организмы, – рассуждал публицист, – замкнуты, и только при этом условии возможно здоровье и полнота сил. Раз в самой стране тратится все, что в ней приобретается, получается круговорот сил, жизненное равновесие... можно сказать даже, что раз богатство тратится в своей стране, оно не тратится вовсе, а в общей сумме только накапливается» [18. С. 348]. Приведём пример зависимости уровня национальной безопасности от автаркизации. Автаркичной Спарте стоило перекрыть пути доставки в Атику причерноморского хлеба, чтобы принудить эко-

номически специализированные Афины к признанию своего поражения в Пелопонесской войне.

Напротив, при поддержании относительно изоляционистской системы хозяйствования Россия обнаруживала свою устойчивость к импульсам внешних потрясений. Определенно прослеживается автаркизационное направление в сталинском курсе индустриализации. Во избежание обвинений в вольной интерпретации фактического материала процитирую признанного специалиста по изучению феномена советской индустриализации В.С. Лельчука: «Принципиально важным результатом осуществления в 1933–1937 гг. политики индустриализации стало преодоление технико-экономической отсталости, полное завоевание экономической независимости СССР. За годы второй пятилетки наша страна, по существу, прекратила ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов, покупка которых за рубежом в предыдущую пятилетку обошлась в 1 150 миллионов рублей. Столько же средств было тогда истрачено и на хлопок, теперь также снятый с импорта. Затраты на приобретение черных металлов с 1,4 миллиарда рублей в первой пятилетке сократились в 1937 году до 88 миллионов рублей. В 1936 г. удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 1–0,7 процента. Торговый баланс СССР к исходу второй пятилетки стал активным и принес прибыль. Так, претворяя в жизнь политику индустриализации, партия и советский народ превратили нашу страну из ввозящей машины и оборудование – в государство, которое самостоятельно вырабатывало все необходимое для строительства социалистического общества и сохраняло свою полную независимость по отношению к окружающему капиталистическому миру» [19. С. 351–352]. В результате поразивший весь мир крупнейший за всю историю экономической кризис 1929 г. остановился, как известно, у границ Советского Союза. Большевицкая индустриализация производила особо яркое впечатление на фоне глобальной производственной деструкции Запада. Таким же образом поразивший страны Юго-Восточной Азии финансовый кризис 1997 г. был с успехом отражен «красной» китайской экономикой.

Экономически неуязвимыми могут быть только автаркичные системы. Понятно, что ни одно из современных государств мира не способно полностью самоизолироваться. Однако природные ресурсы евразийского региона позволяют ему, пожалуй единственному в мире, рассчитывать на это в принципе. Для реализации данного потенциала необходима, взамен губительного курса на интеграцию с Западом, разработка программы автаркизации. Автаркичная евразийская цивилизация может стать ориентиром для ряда стран, не способных самостоятельно противостоять, в силу ресурсной ограниченности, глобализационному наступлению. Это означало бы восстановление в мировом масштабе альтернативной международной экономической системы. Возможно, поэтому именно Россия (да-

же не Китай) продолжает вызывать наибольшее неприятие в мондиалистских кругах. Только ее территориальное расчленение гарантирует от выдвигания реальных экономических альтернатив глобализации.

При кажущейся экономической мощи современный Запад, в случае оказания ему серьезного геополитического противодействия, будет крайне уязвим. «Сервисная революция» явилась прямым следствием «деиндустриализации» западной экономики, перемещения товарного производства в страны третьего мира. При реализации сценария глобального политического потрясения, обострения противоречий «постиндустриального общества» с реальными производителями материальных благ, сложившаяся система международного разделения труда грозит для сервисного Запада, оставшегося без собственной промышленной базы, тотальным крахом. Тогда появляется шанс у выведенной – в силу географических особенностей – за рамки данного антагонизма автаркийной евразийской цивилизации.

Конечно же, не может идти и речи о создании абсолютной автаркии. Вообще, абсолютизация любого идеологического концепта, в том числе и такого, как «открытое общество», неизбежно превращает его в утопию. Мировая история не знает ни автаркии, ни свободного рынка в чистом виде. Однако сам принцип моделирования ориентирован на устранение частностей и выявление сущностных основ. Автаркийная экономика есть некая идеальная модель. В реальной экономической политике корректнее говорить не об автаркии, а о стратегическом курсе автаркизации. Основу его составляет тривиальная логика здравого смысла: не импортировать

те товары, которые могут быть созданы отечественным производителем, и не вывозить вовне собственной продукции до насыщения ею внутреннего рынка.

Подведем итоги. Реалии XXI столетия потребовали от национальных государств и локальных цивилизаций нахождения новых форм своей исторической субъектности. Для евразийской цивилизации и входящих в ее состав народов и государств такой формой сохранения себя в жестком высококонкурентном мире является региональный центр развития и силы, созданный на собственной культурно-исторической основе. Развитие евразийских народов в рамках самостоятельного интеграционного проекта открывает для них перспективы использования собственного социокультурного опыта в деле преодоления многомерного социального кризиса, многие параметры которого обусловлены не критическим принятием инокультурных образцов. Еще одним конструктивным следствием развития в рамках евразийского регионального блока является возможность сохранения и использования в интересах входящих в его состав народов ресурсной базы, обладание которой выступает важнейшим фактором прогрессивного развития в условиях нарастающей борьбы за невозобновляемые ресурсы планеты. В ситуации активного противодействия со стороны геополитических конкурентов народам Евразии самим народам и их политическим элитам необходимо проявить историческую мудрость и волю к объединению, тем самым обеспечив сбережение их богатейшего культурного, природного и этнодемографического потенциала как условия и собственного сохранения в истории и обогащения мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuhnhardt L. Europas Rolle in der Weltpolitik des 21. Jahrhunderts // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2000. № 24. S. 31–38.
2. Perroux F. Multinational Investments and the Analysis of Development and Integration Poles // *Economies et sociétés*. 1973. № 5–6. P. 831–868.
3. Gerbier B. La Continentalisation, Moment Present de la Dynamique du Capital // *Analyses et Documents Economique*. 1998. № 74. P. 61–65.
4. Longueville G. La Transmission Internationale des Crises // *MOCI*. 1999. № 1374. P. 8–15.
5. Nunnenkamp P. Europe and the Crisis: Safe Haven or Menace to Global Recovery? // *Intereconomics*. 1999. Vol. 34, № 1. P. 3–21.
6. A Survey of the World Economy. The Future of the State // *The Economist*. 1997. № 20. P. 3–24.
7. Симонян Я. Государство и развитие. Место и роль государства в процессе развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 12. С. 60–72.
8. Wartenberg von L.-G. Handelspolitik im Zeichen der Globalisierung // *International Politik*. 2001. Jg. 56. № 7. S. 9–15.
9. Дробот Г.Л. Меняющаяся роль государства в мировой экономике XX века // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2002. № 3. С. 29–40.
10. Hettne B. Globalism, the New Regionalism and East Asia. Selected Papers Delivered at the United Nations University Global Seminar 02–06.09. 1996. P. 3–15.
11. Верхофстадт Г. Три выхода для Европы // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 1. С. 23–36.
12. Strange S. The Erosion of the State // *Current History*. 1997. № 98. P. 360–383.
13. Klare M. Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. N.Y., 2001. 283 p.
14. Деягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М. : Вече, 2008. 527 с.
15. Симонян Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным (проблемы мезоуровня в организации общественных систем) // *Вопросы философии*. 2005. № 3. С. 12–25.
16. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М. : Логос, 2001. 253 с.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2006. 571 с.
18. Меньшиков М.О. Как воскреснет Россия?: избранные статьи. СПб. : Русская симфония : Библиотека Академии наук, 2007. 668 с.
19. Лельчук В.С. Индустриализация // *Переписка на исторические темы*. М. : Политиздат, 1989. С. 341–372.

Romanov Oleg A. Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus). E-mail: oromanov@inbox.ru

THE EURASIAN REGIONALIZATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATIONS OF THE WORLD ORDER: ITS HISTORICAL MEANING AND ESSENCE

Keywords: regionalization; Eurasian integration; local civilizations.

The article deals with comprehension of the genesis, the essence and the prospects of development of integration processes in the Eurasian space. The objective of the article is to reveal the factors and mechanisms of the Eurasian regionalization and to define the historical meaning of this process. To achieve the stated objective the following interrelated tasks are to be accomplished: 1) to reveal the essence

of regionalization as the major tendency of contemporary global social transformations and to show trends in changes of social reality in course of its objectivation; 2) to explicate the presuppositions for formation of the Eurasian civilization in concrete historical form of the Eurasian regional union and to suggest a prognosis of its development; 3) to reveal social and economic conditions of progressive development of the Eurasian regional union. The sources of information evaluation are works on regionalization of domestic and foreign authors. The issues of regionalization are widely studied in economic science. The article analyzes the findings of various fields of economy: Keynesianism, neoclassical, institutional-sociological approaches as well as ideas developed by western political analysts and politicians (S. Huntington, G. Verhofstadt, L.-G. Wartenberg, B. Hettne). Significant role in formation of the author's concept plays the works of Russian researchers: M.G. Delyagin, R.H. Simonyan, A.I. Utkin. The article shows that destructive aspects of globalization determine the search for means and ways to overcome them. In order to preserve its historical subjectivity, many countries of the world have chosen the way of regional integration. Regional integration, on the one hand, allows member-states to preserve main advantages of globalization (international division of labor, access to foreign market, possibility to share technologies and manufacturing resources) and, on the other hand, to protect national interests of member-states. From sociocultural perspective, regional integration maintains inner diversity thus stability of mankind. The article grounds the fundamental thesis that optimal form of realization of a long-term development strategy for the Eurasian space lies in creation of a regional center of development and force on the basis of its own cultural and historic matrix. Development of the Eurasian region in form of independent integrative project allows it to use its own sociocultural experience in order to overcome multidimensional social crisis that is mainly caused by noncritical adoption of foreign cultural patterns. One more constructive consequence of development within the Eurasian regional union lies in an opportunity to preserve and use resources basis for the benefit of peoples that form the union. Possession of the resources basis is considered to be the most important factor of progressive development in the context of increasing struggle for unrenovable planet resources. An attributive characteristic of a regional center of development and force is a civilization project that represents the system of standards through which the Eurasian civilization could design itself as an independent subject of historical process.

REFERENCES

1. Kuhnhardt, L. (2000) Europas Rolle in der Weltpolitik des 21. Jahrhunderts [The role of Europe in the world politics of the 21st century]. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 24. pp. 31–38.
2. Perroux, F. (1973) Multinational Investments and the Analysis of Development and Integration Poles. *Economies et sociétés*. 5–6. pp. 831–868.
3. Gerbier, B. (1998) La Continentalisation, Moment Present de la Dynamique du Capital [Continentalisation, Present moment of the capital dynamics]. *Analyses et Documents Economique*. 74. pp. 61–65.
4. Longueville, G. (1999) La Transmission Internationale des Crises [The international transmission of crises]. *MOCI*. 1374. pp. 8–15.
5. Nunnenkamp, P. (1999) Europe and the Crisis: Safe Haven or Menace to Global Recovery? *Intereconomics*. 34(1). pp. 3–21. DOI: 10.1007/BF02928967
6. Anon. (1997) A Survey of the World Economy. The Future of the State. *The Economist*. 20. pp. 3–24.
7. Simoniya, Ya. (1998) Gosudarstvo i razvitie. Mesto i rol' gosudarstva v protsesse razvitiya [State and development. The place and role of the state in the development process]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 12. pp. 60–72.
8. Wartenberg, von L.-G. (2001) Handelspolitik im Zeichen der Globalisierung [Trade policy in the name of globalisation]. *International Politik*. 56(7). pp. 9–15.
9. Drobot, G.L. (2002) Menyayushchayasya rol' gosudarstva v mirovoy ekonomike XX veka [The changing role of the state in the world economy of the twentieth century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 3. pp. 29–40.
10. Hettne, B. (1996) *Globalism, the New Regionalism and East Asia. Selected Papers Delivered at the United Nations University Global Seminar 02-06.09*. pp. 3–15.
11. Verhofstadt, G. (2009) Tri vykhoda dlya Evropy [Three ways out for Europe]. *Rossiya v global'noy politike*. 1. pp. 23–36.
12. Strange, S. (1997) The Erosion of the State. *Current History*. 98. pp. 360–383.
13. Klare, M. (2001) *Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict*. New York: Henry Holt and Company.
14. Delyagin, M.G. (2008) *Drayv chelovechestva. Globalizatsiya i mirovoy krizis* [Humanity Drive. Globalisation and the Global Crisis]. Moscow: Veche.
15. Simonyan, R.Kh. (2005) Ot natsional'no-gosudarstvennykh ob"edineniy k regional'nym (problemy mezourovnya v organizatsii obshchestvennykh sistem) [From national-state associations to regional (problems of meso-level in the organisation of social systems)]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 12–25.
16. Utkin, A.I. (2001) *Globalizatsiya: protsess i osmyslenie* [Globalisation: The process and comprehension]. Moscow: Logos.
17. Huntington, S. (2006) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Translated from English by Yu. Novikov, E. Krivtsova. Moscow: AST.
18. Menshikov, M.O. (2007) *Kak voskresnet Rossiya?: izbrannye stat'i* [How will Russia resurrect? Selected articles]. St. Petersburg: Russkaya simfoniya.
19. Lelchuk, V.S. (1989) Industrializatsiya [Industrialisation]. In: Ivanov, V.A. (ed.) *Perepiska na istoricheskie temy* [Correspondence on History]. Moscow: Politizdat. pp. 341–372.